ный факт? Но в использовании этой версии Карамзин исходил прежде всего из своей давней концепции трагического фатализма. «Гибель Димитриева была неизбежна», — пишет Карамзин, ибо, по мысли историка, ослепленный честолюбием Годунов уже не мог остановиться перед последним препятствием, отделявшим его от царского трона. Пусть он приведен был к этому рубежу стихийною силой исторических обстоятельств — Карамзин не снимает с него всей тяжести вины. «Судьба людей и народов есть тайна провидения, но дела зависят от нас единственно», — этому критерию оценки человеческой личности, выдвинутому еще в «Марфе Посаднице», Карамзин остался верен и в «Истории государства Российского». Вот почему, создавая трагические по своей сути характеры царей-тиранов Ивана Грозного и Бориса Годунова, Карамзин судит их судом истории с позиций высшего нравственного закона, а его суровое: «Да, видя содрогаемся!» звучит как урок и предостережение самодержцам.

Среди многообразных аспектов проблематики «Истории государства Российского» следует отметить и своеобразно раскрытую Карамзиным проблему народного характера. Самый термин «народ» у Карамзина не однозначен; он мог наполняться различным содержанием. Так, в статье 1802 г. «О любви к отечеству и народной гордости» Карамзин обосновывал свое понимание народа-нации. «Слава была колыбелию народа русского, а победа — вестницею бытия его» (II, 283), — пишет историк, подчеркивая самобытность национального русского характера, воплощением которого являются, по мысли писателя, знаменитые люди русской истории. Карамзин не делает здесь каких-то социальных разграничений: русский народ предстает в единстве национального духа, а «правители» народа являются носителями лучших черт национального характера. Таков князь Ярослав, Дмитрий Донской, таков Петр Великий.

Тема народа-нации занимает важное место и в идейно-художественной структуре «Истории государства Российского». Многие положения статьи «О любви к отечеству» были здесь развернуты на широком историческом материале. Декабрист Н. М. Муравьев уже в описании древнейших славянских племен почувствовал предтечу русского национального характера — увидел народ, великий духом, предприимчивый, заключающий в себе «какое-то чудное стремление к величию».[19] Глубоким патриотическим чувством проникнуто и описание эпохи татаро-монгольского нашествия, тех бедствий, которые испытал русский народ, и того мужества, которое он явил в своем стремлении к свободе. Народный разум, говорит Карамзин, «в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока, хотя под землею или сквозь камни со-

---

[19] *Муравьев Н. М.* Мысли об «Истории государства Российского». — Литературное наследство. М., 1954, т. 59, с. 595.